

ботится о переводѣ „Козаковъ“... Но популярность автора „Войны и Мира“ и „Анны Карениной“ еще не растетъ и не заходить за предѣлы литературныхъ салоновъ.

Многіе французскіе литераторы, увидѣвшіи три толстыхъ тома „Войны и мира“ испугались... Такіе длинные романы хороши для обитателей степей; пожалуй, можно было бы познакомиться съ „Войною и Миромъ“, еслибы это произведеніе вышло въ свѣтъ въ то время, когда отъ Парижа до Тулузы щахали восемь сутокъ, но не тогда, когда всю Францію проѣзжаютъ въ двадцать четыре часа¹⁾.

Познакомившись съ русской *Илліадой*, съ этою эпопеєю не имѣвшою себѣ равной ни въ одной изъ западныхъ литературу, французскіе литераторы пришли къ заключенію, что „Война и Миръ“—единственное въ своемъ родѣ произведеніе. Но... это были отзвуки небольшой группы людей, прикоснувшихъ къ литературѣ; общество же, воспитавшееся на Стендалѣ и „Человѣческой комедіи“ Бальзака, общество, съ жадностью поглощавшее все, что входило въ серію когда-то много нашумѣвшихъ „Ругонъ-Макаровъ“, не имѣло представлѣнія о „великомъ писатѣ земли русской“, пока не появился на страницахъ „Revue des deux Mondes“ литературный манифестъ, бывшій дѣйствительно откровеніемъ для французовъ—статьи виконта Мельхiora де Вогюэ о Тургеневѣ, уже болѣе или менѣе извѣстномъ, статьи о Гоголѣ, Достоевскомъ, Толстомъ...

И передъ французской читающей публикой промелькнула несчастная шинель Акакія Акакіевича, послышалось что-то преклоняющее на жалость въ его словахъ—„оставьте меня! зачѣмъ вы меня обижаете!“.. А затѣмъ раздался кроткій возгласъ скромнаго Макара Алексѣевича Дѣвшукіна—„полно о себѣ одномъ думать, для себя одного жить!“...

И цѣлая фаланга „бѣдныхъ людей“, сѣреныхъ, забытыхъ жизнью, обездоленныхъ и униженныхъ, взывала о жалости, призывала къ углубленію въ человѣческую душу, которой не понять однимъ *экспериментальнымъ* методомъ... А нѣкоторыя русскія души заставили призадуматься поклон-

1) E. M. de Vogüé, Le Roman russe.